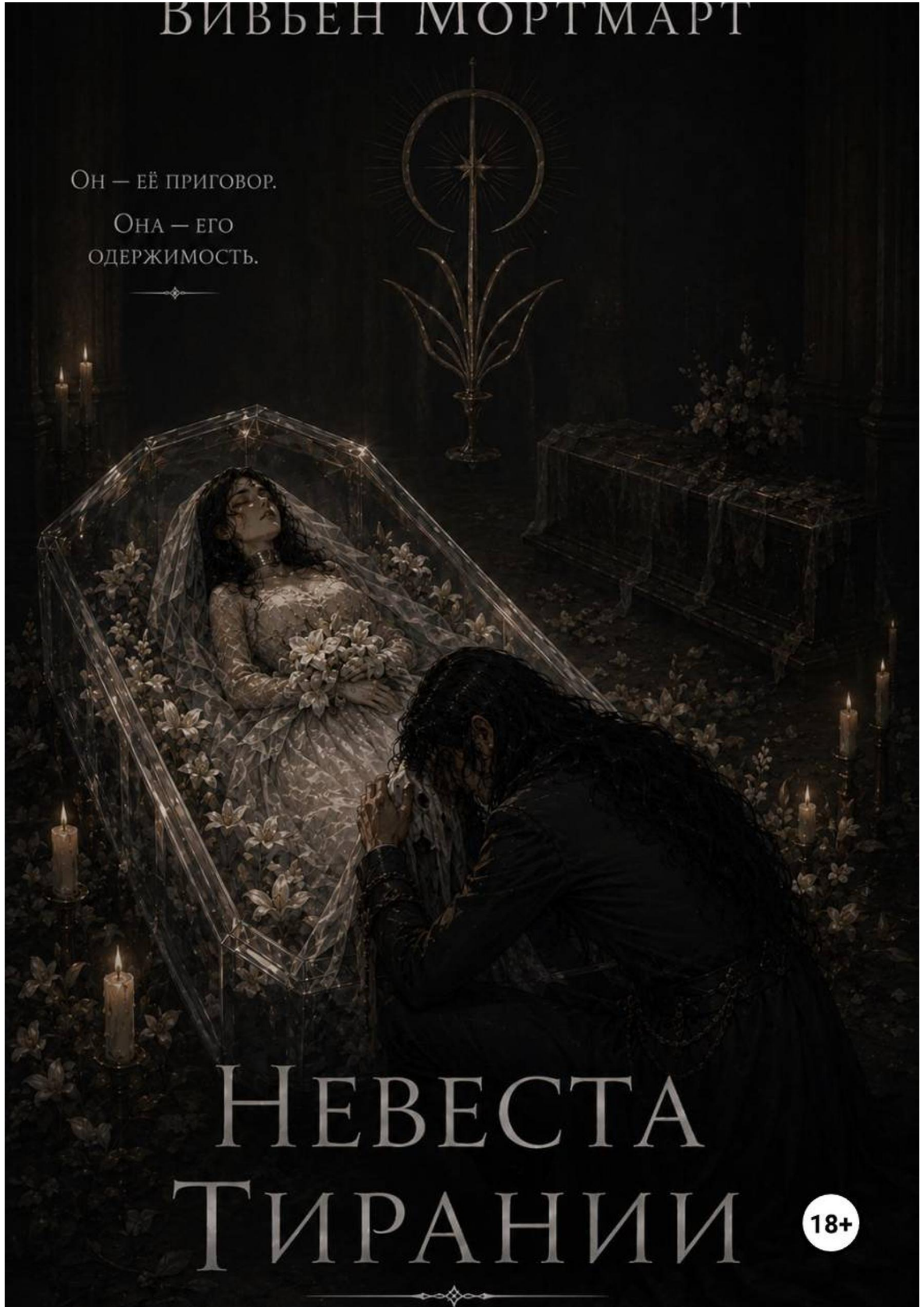
Вивьен Мортмарт

Он — её приговор.

Она — его одержимость.



Невеста Тирании

18+

Вивьен Мортмарт

Невеста Тирании

«Автор»
2026

Мортмарт В.

Невеста Тирании / В. Мортмарт — «Автор», 2026

Он проснулся рядом с телом женщины, которую любил больше собственной жизни.Адора мертва. Но Корбет - жрец культа забытой богини Иradеи - отказывается принять её смерть.Пытаясь вернуть Адору, он всё глубже погружается в ритуалы, старые записи и тайны культа, давно потерявшего человеческий облик. Между воспоминаниями, одержимостью и страхом реальность начинает искажаться: мёртвые будто отвечают, древняя богиня вновь обращает взгляд на своих последователей, а любовь постепенно превращается в нечто пугающее.История о скорби, культах и попытке воскресить того, кого уже невозможно вернуть.

© Мортмарт В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 6
Предчувствие 7
Последняя запись 8
Воспоминания 9
Сохранить 11
Медея 15
Отпустить 18
Остаться 24
Отголосок 28
Тень 35
Искушение 37
Язвы 39
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Вивьен Мортмарт
Невеста Тирании

«Иное важнее нашей любви

Так считаешь не ты — так считает Россия»
Невеста, Электрофорез

Пролог

«Госпожа Роса,

Сколько бы вы ни просили меня не обращаться к вам так, я всё равно не могу заставить себя написать “тётушка Марс”. Даже сейчас. Вы были добры ко мне всегда — добрее, чем я заслуживала, — а я отплатила вам бегством. Пусть именно вы советовали мне уехать, я всё равно чувствую себя так, будто бросила вас.

Друзья моего мужа помогли мне организовать путешествие. В один конец.

Прошу вас, не говорите Корбету, где я. Я знаю, как сильно он переживает, и не хочу заставлять его искать меня. Наша дружба значила для меня больше, чем он когда-либо мог понять. Но если я исчезну сейчас, ему будет легче пережить это, чем потом. Передайте ему, что я любила его всем сердцем. И что мне жаль.

Я слишком далеко завела людей за собой. Без меня всё остановится. Так будет лучше. Люди перестанут ждать смуты. Перестанут бояться друг друга. Мне хочется верить, что всё ещё можно исправить, если исчезну только я одна.

Вита не оставляет меня. Иногда мне кажется, будто внутри меня живёт чужая память. Будто кто-то смотрит моими глазами и ждёт, когда я окончательно исчезну.» А я не смогла стать даже достойной оболочкой для неё.

Я пыталась быть той, кем должна была. Но, кажется, заняла место, которое никогда мне не принадлежало.

Не думайте о том, как далеко я готова зайти, чтобы остановить её. Это больше не имеет значения. Если бы не было меня, не было бы и Виты в этом мире. Я знаю это слишком хорошо.

Простите меня, госпожа Роса. Простите за всё.

Я знаю, где должна была быть. Но я туда не пришла.

Там, куда вы идёте, будет лучше без меня.

Навсегда ваша,

Адора Канна»

Предчувствие

Проснулся рано. Я всегда просыпаюсь рано. Но сегодняшнее пробуждение далось мне с трудом. Что-то мешало мне подняться с постели. Предостерегало. Будто стоило не просыпаться вовсе.

За окном шумели деревья. Иногда они стучали ветвями по стеклу. Мне казалось, будто кто-то пытается войти и нарушить наше с ней единение. Предрассветное солнце едва освещало комнату. Я машинально поправил сползший край одеяла и снова посмотрел на пол.

Болит голова. Если бы я не встал, это бы прошло. Обычно это помогало.

Но переборол желание проигнорировать "предчувствие". Раньше я такому не доверял. Поднялся. Увидел. Теперь я верю в предчувствия. В те моменты, когда тело понимает случившееся раньше разума. Я увидел. Но ничего не почувствовал. Это испугало меня сильнее её внезапной смерти.

Её больше не волновало моё присутствие.

Чёрные волнистые пряди аккуратно спадали за её плечи и струились вдоль тела. Только одна непослушная прядь выбилась и легла на лицо, скрыв внешний уголок глаза. Она всегда раздражённо смахивала её назад, не давая мне лишний раз коснуться. Тогда я немного расстраивался. Но старался не показывать это.

Я боялся её разбудить.

Ещё миг созерцания. И я понял. Переживать больше не о чем. Много раз я был рядом с ней. Даже во сне она не выглядела беззащитной. Но мне хотелось представить её нуждающейся в моей помощи. И оттого почувствовать себя важным. Она не придавала этому значения.

Едва слышно шумят деревья.

Сейчас мне бы вновь хотелось встать на стражу её сна. Но не имеет значения, покину ли я пост или буду стоять до конца — ничто не нарушит её покоя.

Я коснулся её руки, ожидая, что холодные пальцы сожмут мою ладонь.

Сегодняшней ночью покончила с собой Адорэбелль. Я не могу понять, как я упустил этот момент. Хотя, я потерял её гораздо раньше. Может, это был лучший исход для неё.

Бедная моя Адора останется для меня живой, пока жив я. Я старался всячески помочь ей. Но значит, есть вещи, над которыми я не властен.

Она же не могла принять, что в чем-то её воля не имеет никакой силы. Всё должно было происходить, как считала нужным она. Мне жаль её. Вот результат её нетерпения — у моих ног лежит её тело. Её лицо потеряло всякое выражение. Я никогда не мог подумать, что она заставит меня чувствовать себя ненужным.

Смерть повиновалась её воле. Что это дало? Я не знаю. Может, это и не её воля вовсе. Чужие мысли слишком долго звучали в её голове как собственные. её голове как собственные.

Последняя запись

Пытался понять, как я должен реагировать. Осмотрелся. На письменном столе остался дневник. На открытой странице, видимо, остались записи, сделанные перед смертью.

Представил её пробуждение. Смятение. Тревогу. Резкий подъем. Поиски записной книжки. Услышал скрип отодвигаемого стула. Представил всё это и не смог понять, почему ничто не заставило меня проснуться. Не заставило хотя бы в полусне приподняться, увидеть это. Успокоить её. Остановить.

Стал перелистывать назад страницы. Знакомые события чужими глазами воспринимаются совсем иначе. Я думал, что понимал её. Но понимал только через самого себя. Я видел всё своими глазами. Но в её дневнике события выглядели иначе. Будто существовала другая версия нашей жизни.

Или только глазами Адоры мир выглядел искаженным?

Я бы поверил во второй вариант. Её восприятие мира было искалечено слишком многим. Нет, тут мы в одном положении. Только я сам довёл себя до этого состояния. Адора же не имела никакой власти над искалеченным сознанием.

Прекратил на время писать. Комнату наполнил едкий дым. Нечем дышать. Сознание помутнело. Время замедлилось. Попытался приблизиться к её состоянию. Но так и не смог понять, что именно она переживала. Я лишь дурманил сознание. Она же жила в этом состоянии. В остальном, всё так. Тревога. Головокружение. Спутанность.

Раньше я просто искал счастья в жизни. Пытался заменить его чем угодно.

Пробовал разные средства. По сути одни и те же. Исход почти не менялся. Теперь мне будто нужно что-то другое. Чего я хочу теперь? Всё того же или уже чего-то иного? Подход не меняется, значит ли это, что цель одна и та же?

Снова представил, как проснулась и села за письменный стол Адора. Руки её дрожали. Она продолжала писать:

«Я ощущаю тревогу даже во сне, мне снятся тревожные сны, я не могу уснуть, мне всё кажется, что-то должно произойти.

Ничто не предвещало такое моё состояние, но мне становится всё хуже. Становится хуже ежедневно, ежечасно, ежеминутно... Секунд я уловить не могу, уж слишком быстро они от меня уходят.

Я чувствую себя оторванной от мира. Я медленно перемещаюсь во времени уже законченной истории и нахожусь в ней на месте читателя. Я ничего не могу изменить. Я созерцаю сложившуюся картину. Если я и делаю выбор, то только тот, что уже написан за меня.

Хор поёт и колокола звенят, я никогда не видела церквей где-то здесь рядом, я уже давно не вспоминала, что они есть, давно не задумывалась, а зачем они стоят где-то, зачем люди там собираются. Ради кого идёт служба? Кого они отпевают? Меня.»

На этом старательно поставлена точка. Оставив последнюю запись, она поверила, что это её конец. И сделала всё, чтобы так и было.

Значит, готовилась заранее.

Воспоминания

Теперь её тело лежит у моих ног. Оставлю её лежать так. Тогда она ещё немного побудет рядом.

Ещё вчера она отвечала на мои прикосновения. Меня переполняли чувства к ней. Я лёг рядом. Почувствовал, как ускоряется биение сердца. А её сердце уже остановилось. Как давно это произошло? Я притянул к себе тело. Приобнял Адору. Кожа ещё не успела окончательно остыть. Её рука безвольно упала с моего плеча. Голова упала на бок, когда я пытался притянуть её ближе. Я резко отстранился. Сердце билось слишком быстро. Меня мутило от себя самого. Меня трясло. Но отстраниться я уже не мог. Руки продолжали удерживать её рядом. Это казалось обычным делом раньше. Я прижимал её к себе также, как прошлым вечером. Будто это утро ещё не наступило. Но раньше она была жива. Отвечала взаимностью. На мгновение мне показалось, что сейчас она вздрогнет от холода и сама прижмется ко мне. Теперь её тело не отвечало, что бы я ни делал. Я всё ещё думал о том, понравилось бы ей это или нет. Хорошо, что она не может осудить меня. Я боюсь когда-нибудь почувствовать её взгляд на себе. Мы никогда не встретимся после.

Я взял её тело.

Даже сейчас я пытался убедить себя, что не причиняю ей вреда.

В нашу первую встречу я совсем не понял, какие чувства она испытывает ко мне. И испытывает ли вовсе. До неё никто не интересовался мной. А её я понять не мог. Она интересовалась мной. Она избегала меня. Так продолжалось долго. Не только в первую встречу.

Даже теперь я не могу понять, любила ли она меня. Перечитывая её дневники, я заново переживал нашу жизнь её глазами. Я как будто пытаюсь залезть в её сознание. Я мог попытаться понять её раньше. Просто поговорить с ней. Расспросить. Трудно ей было бы подобрать слова и рассказать мне всё?

Я посмотрел на неё, — и понял, что ничего во мне не изменилось. Теперь я не попытаюсь заглянуть в душу через эти серые глаза. Теперь они не посмотрят на меня и губы не поднимут свои уголки.

Я старался смотреть куда угодно, только не на неё. Мне становилось страшно каждый раз, когда взгляд снова цеплялся за её лицо.

Я всё ещё терзаем теми же чувствами. Чтобы я не сделал, выражение лица её останется неизменно. Совсем скоро её заберут у меня окончательно.

Я помню каждое слово, что она говорила. Помню её жесты. Её идеи. Мысли, которыми она делилась со мной. Её тревоги и волнения. Она делилась этим со мной и боялась признаться в собственной слабости другим.

Я помню, как первый раз встретил Адору. Тогда я сопровождал мать на каком-то вечере. Там была и Адора с отцом и братом. Клетес Адан и моя мать ненавидели друг друга. На то были причины. Меня он тоже презирал. Никто не заявлял открыто, что я сын Марселин Роса, но всем было это понятно.

Сейчас это не важно.

В тот вечер я ходил за матерью. Молча принимал участие в её беседах. Сестра тогда с нами не пошла. Было скучно.

Адора тоже скучала. Не могла ни на шаг отойти от отца и брата. Перед уходом Клетес и Эме оставили Адору одну. Она подошла к дверям. Собиралась уходить. Мы тоже близились к уходу, стояли у дверей. Адора сказала пару слов моей матери. Я не слышал, что она тогда ей сказала. Может, узнаю, вычитав в её дневнике. Помню, что она не находила слов, чтоб заговорить со мной. Времени было мало. Она пару мгновений смотрела в мои глаза. Затем тихо сказала:

— У вас очень красивые волосы. Длинные и прямые...

Она растерялась. Возможно, испугалась, что сказала что-то не так. Она хотела продолжить, но я перебил её:

— Знаете, говорят, волосы хранят воспоминания. Забавно, но с моими длинными волосами мне совсем нечего помнить.

Она прикрыла губы руками. Тихо рассмеялась. И мне захотелось услышать это снова.

— Меня зовут Адорэбелль Адан. Теперь вы можете помнить моё имя. — она грустно улыбнулась на прощание.

Я перевёл взгляд на мать. Потом захотел ещё раз взглянуть в глаза Адоре. Она пропала среди толпы. Потом нашёл её. Она уходила с отцом. Я проводил её взглядом.

Следующие дни этот маленький разговор не давал мне покоя. Я вспоминал его каждую свободную минуту. Свободного времени у меня было много. Я повторял его. Не мог понять, почему она не спросила моего имени. А я даже и не подумал, что мне нужно представиться. Только я вспомнил об этом, она пропала.

Перестал писать. Посмотрел в зеркало. Увидел в нем свои растрепанные волосы. Пришлось расчесать их. Времени на это уходит много. Был момент, когда я хотел избавиться от них. Оставил ради Адоры.

У Адоры был кулон для фотографий. Она никогда его не носила. Достался от матери. Не знаю, что в нем носила её мать. Я нашёл его. Не думал, что она его хранит. Он был пустой. Я отрезал маленькую прядь собственных волос и вложил её внутрь. Застегнул кулон на её шее.

Волосы хранят воспоминания.

Сохранить

Сегодня придётся заняться формальностями по поводу смерти.

Я повторил эту мысль несколько раз. Она казалась правильной. Взрослой. Разумной.

Ничего не изменилось.

Адора лежала там же, где я оставил её ночью.

За окном уже давно рассвело. Солнечный свет проникал в комнату через занавески и ложился на её лицо. В какой-то момент мне показалось, что она морщится от яркого света. Я уже хотел подойти и задвинуть занавески плотнее, чтобы не мешать ей спать.

Потом вспомнил.

Подходить всё равно пришлось.

Я остановился возле неё и долго смотрел сверху вниз.

Как странно.

Вчера я ещё боялся смотреть на неё. Теперь не мог заставить себя отвести взгляд.

Я сел рядом.

Провёл пальцами по её волосам.

За ночь ничего не изменилось. Те же чёрные пряди. Та же бледная кожа. Те же длинные ресницы.

Если не присматриваться слишком внимательно, можно было представить, что она просто уснула.

Я поймал себя на этой мысли и невольно улыбнулся.

Глупость.

Конечно же, она умерла.

Я повторил это про себя несколько раз.

Не помогло.

Умерла. Мертва. Покончила с собой.

Слова не вызывали никаких чувств.

Я понимал их смысл. Но не верил в него. Слишком знакомым было её лицо. Слишком привычным. Я осторожно заправил выбившуюся прядь ей за ухо.

Через несколько дней её заберут.

Через несколько месяцев это лицо начнёт меняться.

Через несколько лет я уже не смогу вспомнить его целиком.

Эта мысль пришла внезапно.

Я резко убрал руку.

Нет.

Почему-то именно это показалось мне невыносимым.

Не смерть.

Не одиночество.

Не похороны.

А то, что однажды мне придётся восстанавливать её по памяти.

Я снова посмотрел на неё.

На изгиб губ.

На тонкую линию носа.

На ресницы, отбрасывающие тень на щёки.

Нет.

Сейчас я помнил всё.

Но память ненадёжна.

Я видел это на примере других людей.

Сначала исчезает голос.

Потом улыбка.

Потом взгляд.

Потом остаются только отдельные черты.

А потом ничего.

Только имя.

Мне вдруг стало страшно.

По-настоящему страшно.

Я поднялся и начал ходить по комнате.

Нужно было что-то делать.

Заняться похоронами.

Найти людей.

Подготовить документы.

Я сделал несколько шагов к двери. Остановился. Обернулся. Посмотрел на Адору.

Мне показалось, что стоит выйти из комнаты — и я предам её.

Смешно.

Она ничего уже не чувствовала.

Но мысль не отпускала.

Я снова подошёл к ней.

Опустился на колени.

— Я не хочу забывать тебя.

Голос прозвучал непривычно хрипло.

Наверное, впервые за всё это время я сказал что-то вслух.

Она не ответила.

Конечно же.

Я осторожно взял её руку.

Она становилась холоднее.

Время продолжало делать своё дело.

Именно тогда мне пришла мысль. Простая. Нелепая.

Спасительная.

Её можно сохранить. Не живой.

Но такой. Такой, какой она была сейчас.

Чтобы ничего не менялось. Чтобы через год её лицо оставалось тем же. Чтобы через десять лет её волосы лежали на плечах так же. Чтобы она продолжала спать.

Я долго сидел молча.

Мысль казалась неправильной. Почти кощунственной.

Но чем дольше я думал о ней, тем меньше хотел от неё отказываться.

В конце концов, я уже не смог представить иной исход.

Пусть все остальные считают это безумием.

Пусть говорят, что мёртвых нужно отпускать.

Я не хотел отпускать.

Не её.

Я долго сидел рядом с ней. Слишком долго.

Солнце уже успело пересечь половину комнаты. Свет медленно полз по полу, по краю ковра, по подолу её платья. Он добрался до её лица. Я тут же поднялся и задвинул шторы. Незачем светить ей в глаза.

Лишь вернувшись к ней, я понял, насколько нелепа эта мысль.

Её больше ничто не беспокоило. Но мне стало легче.

Я снова сел рядом.

Провёл ладонью по её волосам.

За ночь они спутались. Совсем немного. Несколько тонких прядей легли поперёк щеки. Я аккуратно убрал их назад. Потом ещё раз поправил. Потом ещё.

Мне всё казалось, что они лежат не так. Я принёс расчёску. Медленно провёл ею по волосам. Чёрные пряди легко скользили между зубцами.

Я помнил, как Адора морщилась каждый раз, когда я случайно задевал слишком чувствительное место. Теперь она оставалась неподвижной.

Мне вдруг захотелось услышать её недовольство. Хотя бы один раз.

Я отложил расчёску. Посмотрел на её руки.

Пальцы стали совсем холодными.

Я осторожно растёр их между своих ладоней. Бесполезно.

Никакое тепло уже не могло остаться с ней.

Я опустил взгляд.

Мне показалось, будто смерть уже начала забирать её у меня.

Пока незаметно.

Пока совсем понемногу.

Но я видел.

Или думал, что видел.

Слишком бледная кожа.

Слишком неподвижное лицо.

Слишком тихая комната.

Меня охватила паника.

Я не хотел, чтобы что-то менялось. Не хотел однажды проснуться и увидеть чужое лицо. Не хотел смотреть, как время стирает её черты. Я поднялся. Снова сел рядом. Поправил воротник её платья. Расправил складки ткани. Уложил руки на груди так, как они лежали бы во сне. Потом долго смотрел на результат своей работы.

Теперь она выглядела спокойнее.

Будто отдыхала после тяжёлого дня.

Мне понравилась эта мысль.

Слишком сильно понравилась.

Я поймал себя на том, что пытаюсь сделать её красивой.

Не для похорон.

Для себя.

Чтобы смотреть.

Чтобы помнить.

Чтобы завтра она выглядела так же.

Чтобы через месяц она выглядела так же.

Чтобы никогда не пришлось признать, что она исчезает.

Я наклонился и коснулся губами её лба.

— Я не позволю тебе измениться.

Сказал это почти шёпотом.

И только после понял, насколько страшно прозвучало собственное обещание.

Я дошёл до двери. Положил руку на ручку. И не смог открыть. Стоило представить, что кто-то войдёт сюда, как меня охватывала паника. Будто вместе с посторонними людьми в комнату войдёт время.

Я вернулся обратно.

Снова сел рядом с Адорой.

Не знаю, сколько прошло часов.

Я почти не замечал их.

В какой-то момент начал вспоминать книги из храмовой библиотеки.

Старые записи. Заметки Марселин.

Какие-то способы сохранять тела знатных людей после смерти.

Сначала это казалось бессмысленным.

Потом необходимым.

А затем я уже не мог думать ни о чём другом.

К вечеру комната пропиталась резким запахом трав, масел и каких-то веществ, названия которых я не запоминал.

На столе громоздились склянки. Вода в тазу давно остыла. Мои руки дрожали от усталости.

Я не помнил, сколько часов прошло.

Иногда мне казалось, что я делаю всё это напрасно.

Тогда я снова смотрел на Адору.

На её лицо.

На ресницы.

На пряди волос, разложенные по плечам.

И продолжал.

Мне нужно было сохранить её.

Не тело.

Её саму.

Я понимал, что это невозможно. Но продолжал убеждать себя в обратном. В какой-то момент я отступил на шаг. Адора лежала неподвижно. Словно спала. Так же спокойно, как прошлой ночью. Так же красиво. Я почувствовал облегчение. Такое сильное, что мне стало страшно.

Потому что впервые с момента её смерти мне показалось, будто я победил.

Хотя бы ненадолго.

Медея

Я и Эери работали в казино моей матери. Так она финансировала оппозицию. Забавно было наблюдать, как за игорным столом обсуждают злых и глупых вольнодумцев и отдают им же свои деньги.

Там я снова встретился с Адорой после того короткого разговора. Посещала она это место вместе с братом. Потом я узнал, что он часто ездит к нам, чтобы увидеть Эеридис.

Он не решался поговорить с Эери. Поэтому рассказал всё мне.

Когда сбежала Мариенна Адан — мать Эме и Адоры — тогда заново разгорелся конфликт между Марселин Роса и Клетесом Адан.

Тогда к нам в дом пришла Марселин. Высокая, пугающая женщина — такой я её запомнил. Отец обвинял её в смерти матушки. При мне называл убийцей и безумной.

Она привела с собой маленькую рыжую девочку. Я совсем не знал её. Но мне показалось, будто знаю всю жизнь — всю свою короткую детскую жизнь. Мне чудилось, что между нами есть какая-то особая связь. Тогда я не смог бы объяснить какая. Я и сейчас не уверен, что могу. Меня тянуло к этой маленькой девочке. Я даже не решался заговорить с ней. Только смотрел издалека. Иногда подходил ближе, будто это могло помочь понять, почему она кажется такой знакомой.

Тогда я решился беречь это странное чувство всю жизнь — очень смелое обещание, и через много лет я почти забыл о нём, но теперь увидел её, взрослую, не такую взрослую, как я, но всё же старше, чем ребёнок.

Отец готовил меня к тому, что я должен как он бороться с вольнодумцами. В кабинете отец держал человеческий череп. Он принадлежал казнённому вольнодумцу. Отец называл его символом торжества правды и иногда заставлял меня смотреть на него.

Я был равнодушен ко всему и нехотя перенимал его идеи. Со временем я был готов убивать тех, на кого укажут власти. Отец считал это честью, для него это был долг, благородный поступок — для меня это было бремя. Всё, что отец мне навязал, было для меня бременем.

Когда я вновь увидел Эеридис, я вдруг понял: отец всю жизнь готовил меня убить ту самую маленькую девочку.

Девочку, которую я когда-то любил сильнее, чем мог понять.

Я был в ярости на отца, тогда я понял, что нельзя слепо соглашаться с тем, что тебе навязывают. Тогда я перестал быть равнодушным к жизни.”

Я помню, как Адора скучающе следила за действиями Эме. Она делала вид, что наблюдает за игрой, но взгляд её постоянно ускользал куда-то в сторону. Он часто искал глазами Эеридис. Ход игры никого из них не интересовал.

Потом Адора привыкла к атмосфере казино. Иногда стала отходить от брата. Один раз ушла с Эери на перерыв. В нашей маленькой комнате сидел я. Сидел на полу. Гладил кошку. Эеридис села на маленький диван. Адора осталась стоять.

— Бэлль, не стойте. Присядьте рядом. — я обратился к ней и посмотрел в сторону Эеридис. Рядом с ней можно было сесть.

Адора посмотрела на Эери. Потом на меня. И неожиданно опустилась рядом на пол. Будто это было самым естественным решением.

— Меня ждут, - вздохнула Эеридис. Вышла.

Не знаю, что она поняла из поступка Адоры, что решила нас оставить. Адора проводила её взглядом. Опустила голову. Мы оба гладили Медею. Иногда наши пальцы соприкасались среди чёрной шерсти. Каждый раз Адора будто замирала на мгновение. В один такой момент она заглянула в мои глаза, но я не смотрел на неё. Она огорчилась. Но не подала виду. Мы некоторое время молчали.

Медея растянулась между нами и требовательно ткнулась головой в мою руку.

— Она вас любит, — вдруг сказала Адора.

— Почему вы так решили?

— Кошки редко подходят к людям просто так.

— Тогда она любит и вас.

Адора осторожно погладила Медею между ушами.

— Нет. Она относится ко мне терпимо.

— Это почти любовь, если речь идёт о кошке.

Адора тихо рассмеялась.

— Вы хорошо разбираетесь в кошках?

— Нет. В людях тоже не очень.

— Это заметно.

— Не думал, что успел произвести настолько плохое впечатление.

— Напротив.

Она замолчала.

— Именно поэтому заметно.

Несколько минут мы молчали. Я решил разрушить эту тишину.

— Вы часто бываете здесь? — спросил я.

— В казино?

— Да.

— Настолько часто, насколько это необходимо Эме.

— Значит, сами вы не любите азартные игры?

— Не понимаю их.

— Почему?

— Люди добровольно отдают деньги за возможность испытать разочарование.

— Иногда они получают выигрыш.

— Иногда.

Она задумалась.

— Мне кажется, большинство приходит не за выигрышем.

— А за чем?

— Не знаю. Может быть, за надеждой.

— Очень грустная причина.

— Разве надежда — это грустно?

— Когда её приходится покупать — да.

Я посмотрел на неё.

Она всё ещё гладила кошку.

Тогда мне показалось, что она говорит о картах.

Сейчас я думаю, что вовсе не о них.

— Вы часто разговариваете с госпожой Роса? — спросила Адора.

— Нет. Мне сложно найти общий язык с матерью. Предпочитаю избегать контакт с ней.

Адору явно смутил мой резкий ответ. Её тонкие брови поднялись к маленькому лбу, взгляд потупился. Она нервно усмехнулась. После помотала головой, пытаясь сбросить с себя это выражение лица. И продолжила свою мысль:

— Она меня пугает.

— Вас?

— Всех пугает. Просто некоторые этого не признают.

— Тогда почему вы разговариваете с ней?

— Потому что она добрая. Вы не согласны?

— Не знаю. Я не часто обращаю внимание на то, как она ведёт себя не со мной.

— Она подбирает всех брошенных животных, которых находит. И людей тоже.

— Это не всегда одно и то же.

— Для Марселин, кажется, разницы нет. — Адора улыбнулась.

— В таком случае она подобрала и вас.

— Боюсь, что да.

— Тогда вам повезло больше, чем большинству людей. — Я хотел ответить что-нибудь остроумное. Не вышло.

Вместо этого просто смотрел на неё.

Она первой отвела взгляд.

— Прошу вас, не называйте меня Бэлль. Я очень не люблю эту форму имени, никогда не любила. Так меня зовут дома и в обществе. Зовите меня Адорой.

—Простите меня, Адора. Смешно и глупо с моей стороны, в нашу первую встречу я даже не представился. Меня зовут Корбет Кэрон. — я хотел сказать что-то ещё. Мне нечего было говорить о себе. Я промолчал об этом и продолжил, — Это кошка Марселин. Вы замечали? Она обычно ходит с ней. Её зовут Медея. Знаете, Адора, вы чем-то похожи. Милые, аккуратные черты. Чёрные волосы. Живые, выразительные глаза. Я перенял привычку сравнивать людей с животными от Марселин. Она любит так делать. Она сказала, я похож на ворона. Не знаю, в чём она нашла схожесть?

— Вы всегда ходите в чёрном. Волосы у вас чёрные, глаза тоже. И нос чем-то похож на клюв. Думаю, Марселин увидела в этом ворона.

Адора улыбнулась. Меня умилило её стремление поддержать со мной разговор. Я сказал это от безысходности, а она так легко продолжила. Я улыбнулся ей в ответ.

Она вдруг отвела взгляд. Будто что-то её смутило или даже испугало. Слишком резко поднялась на ноги. Запнулась о подол юбки и чуть не упала. Подошла к двери. Я остался невозмутим. Несколько секунд она стояла у двери. Словно собиралась уйти. Но всё никак не уходила. И, дернув ручку, сказала мне вместо прощания:

—Я боюсь стать с вами откровенной.

Я не понял, почему она так отреагировала.

Вспомнил всё — как будто бы что-то давит на мою голову. Захотелось расслабиться.

Отпустить

Осталась бы Адора женой, сестрой и дочерью статных высокопоставленных людей, нечего было бы за неё переживать.

Бывают люди, для которых идея превыше всяких благ. Адора с самого детства знала, что ей суждено. Ей никогда нельзя было любить. Она должна была стать женой. Обычный способ укрепить положение семьи. Наверное, её жизнь могла бы быть терпимой. Не счастливой. Счастья для таких женщин обычно не предусматривали. Но терпимой. Она могла бы принимать гостей. Улыбаться за длинными столами. Носить драгоценности, которые выбирали не для неё, а для положения её мужа. Поддерживать разговоры о благотворительности, охоте и новых назначениях. Рожать детей. Становиться украшением чужой власти. И, может быть, со временем даже привыкнуть.

Креон Канна сделал бы такую жизнь почти доброй. Я до сих пор поражаюсь его благородству. Он был правителем, а Адора водила домой оппозиционеров. Он знал об этом. Конечно, знал. В его доме не могло происходить ничего, о чём он не знал бы хотя бы наполовину. И всё равно позволял. Больше того — поддерживал её.

Он слушал людей, которые говорили о необходимости отнять у него власть. Не перебивал. Не унижал. Не приказывал вывести их из зала. Иногда задавал вопросы. Иногда соглашался. Он сам пришёл к выводу, что Эме Адан может перенять его обязанности. По сути, Креон добровольно отдал бы власть тем, кто выступал против него. Не потому что был слаб. Слабые люди за власть держатся крепче всего. Он просто не считал себя важнее страны. И не считал Адору своей вещью. Это я понял не сразу.

Сначала мне казалось, что он слишком спокоен. Почти равнодушен. Я не видел в нём ни ревности, ни желания удержать, ни злости. Всё это раздражало меня сильнее, чем если бы он открыто ненавидел меня. Его спокойствие казалось вызовом. Но Адора рядом с ним тоже становилась другой. Светлее. Не счастливой. Нет. Адора редко была счастлива так, как это понимают люди, не знавшие страха. Но спокойной.

Иногда я видел их вместе и не мог отделаться от ощущения, что рядом с Креоном мир становился проще. Она могла сесть у окна, подтянуть под себя ноги, забыв, что так не сидят женщины её положения. Могла спорить с ним из-за книги. Могла устало смеяться, когда он говорил что-то сухое и совершенно не смешное.

Однажды она отняла у него бокал.

— Вам больше нельзя, — сказала она.

— Я правитель, — ответил он.

— Именно поэтому.

Он посмотрел на неё так, будто хотел возразить, но потом покорно отдал бокал.

Адора улыбнулась. Искренне улыбнулась. Без надрыва. Без боли. Без попытки доказать, что она ещё жива.

Я стоял в другом конце зала и смотрел на это слишком долго. С ней рядом со мной так не было. Между нами всегда было что-то тёмное. Не только любовь. Любовь — слишком простое слово для того, что связывало нас. Скорее предчувствие. Как будто с самого начала мы оба знали, что ничего хорошего из этого не выйдет, но всё равно шли навстречу друг другу.

Креон мог дать ей размеренную жизнь.

Я мог дать ей только бездну.

И она выбрала меня.

Иногда я думаю, что именно в этом была её главная ошибка.

В тот вечер Креон подошёл ко мне сам.

Адора всё ещё стояла у окна. Кто-то рассказывал ей о новом законопроекте, а она слушала вполуха и смотрела в сад. Свет ложился на её лицо мягко, почти бережно. В такие минуты она казалась не избранницей, не заговорщицей, не чьей-то женой.

Просто женщиной, которую ещё можно было спасти.

— Она выглядит спокойной, — сказал я.

Креон проследил за моим взглядом.

— Иногда бывает.

— Рядом с вами.

Он усмехнулся. Не победно. Скорее устало.

— Нет.

Я посмотрел на него.

— Нет?

— Она спокойна не рядом со мной, — сказал Креон. — Она спокойна тогда, когда забывает о вас.

Мне следовало обидеться. Наверное, я и обиделся. Но он произнёс это без злости. Без укола. Без торжества.

Просто как человек, который давно понял правду и уже не пытался спорить с ней.

— Тогда почему она всё равно ждёт меня? — спросил я.

Креон немного помолчал.

— Потому что люди редко выбирают то, что могло бы сделать их жизнь легче.

Я хотел ответить. Не смог.

— Вы могли бы дать ей всё, — сказал я наконец.

— Нет.

— Нет?

— Всё — нет, — спокойно ответил он. — Только покой.

Я снова посмотрел на Адору. Она почувствовала взгляд и обернулась.

Не к нему. Ко мне.

На одно мгновение её лицо изменилось. В нём появилось то самое выражение, от которого у меня всегда сжималось сердце. Будто она одновременно радовалась мне и боялась того, что я с собой приносил.

Креон тоже это увидел. Конечно, увидел.

— Почему вы не пытаетесь её удержать? — спросил я.

Вопрос вышел грубее, чем я хотел.

Креон не сразу ответил.

— Потому что она уже сделала выбор.

— Она ваша жена.

— Да.

Он сказал это так, будто речь шла о факте, а не о праве.

— И всё?

— И всё, — повторил он.

Я не понимал его. Тогда не понимал.

Мне казалось, если любишь человека, нельзя отступать. Нельзя отдавать его судьбу на волю случая. Нельзя позволять ему идти туда, где его могут уничтожить. Креон думал иначе. И это пугало меня.

— Вы не злитесь? — спросил я.

— Злюсь.

Я впервые услышал в его голосе что-то живое.

— На неё?

— Нет.

— На меня?

Он посмотрел на меня прямо.

— Иногда.

Я усмехнулся.

— Благородно.

— Я не благороден, Корбет.

Он впервые назвал меня по имени.

— Просто я не хочу, чтобы она чувствовала себя виноватой за то, что не может любить меня так, как я люблю её.

Мне стало неприятно.

Не от его слов.

От того, что я понял: рядом со мной Адора всегда была виновата. Перед Креоном. Перед семьёй. Перед заговором. Перед мёртвыми. Перед живыми. Перед собой. А рядом с ним могла хотя бы иногда не оправдываться за собственное существование.

— Она могла бы быть счастлива с вами, — сказал я.

Креон покачал головой.

— Нет. Она могла бы быть спокойна.

Он снова посмотрел на неё.

— Это разные вещи.

Адора уже шла к нам. Платье тихо касалось пола. На шее у неё блестело украшение, выбранное, наверное, не ею. Волосы были убраны слишком аккуратно. Лицо — слишком бледное для живого человека.

Но глаза.

Когда она смотрела на меня, весь этот светский покой исчезал. В них поднималось что-то древнее. Тёмное. Моё.

Я ненавидел себя за то, что радовался этому.

— О чём вы говорите? — спросила она.

— О вас, — ответил Креон.

Адора нахмурилась.

— Тогда перестаньте.

— Как скажете.

Он отошёл первым. Не демонстративно. Не обиженно. Просто дал нам место. Так он поступал всегда. Давал ей место. Давал ей воздух. Давал ей право выбирать даже тогда, когда выбор разрушал его самого.

Адора проводила его взглядом. В этом взгляде была нежность. Не та, которую она дарила мне. Другая. Взрослая. Тихая. Благодарная. Она любила его не как мужчину. Но, возможно, как человека, рядом с которым ей впервые ничего не нужно было доказывать.

— Он хороший, — сказала она.

— Знаю.

— Нет, не знаешь.

Она посмотрела на меня с усталой укоризной.

— Ты думаешь, он просто великодушен.

— А разве нет?

— Он страдает, Корбет.

Я промолчал.

— Просто не делает из этого оружие.

Мне стало больно.

Слишком больно для такой простой фразы.

— А я делаю?

Адора долго смотрела на меня.

Потом коснулась моей руки.

— Иногда.

Я хотел отнять руку. Не отнял. Она сжала мои пальцы.

— Но я всё равно пришла к тебе.

В этом и было проклятие. Не в том, что она меня не любила. А в том, что любила.

Если бы она выбрала Креона, я, возможно, возненавидел бы её. Пережил бы. Написал бы себе красивую ложь о предательстве и однажды поверил бы в неё.

Но она выбрала меня. И этим не оставила мне ни одной защиты.

Теперь, когда Адора лежала рядом со мной неподвижная, я вспоминал тот вечер так ясно, будто он происходил снова.

Креон отпустил живую Адору. А я не мог отпустить даже мёртвую.

Мне довелось присутствовать на свадьбе Адоры. Хотя приглашения я не получил. Стоял у самого выхода вместе с остальной дворцовой охраной. Тёмный мундир. Меч на поясе. Лицо человека, которого здесь будто бы нет.

Сначала вошёл Креон. Молодой. Слишком молодой для человека, которому предстояло управлять страной. Он занял своё место возле алтаря. Спокойный, как всегда.

Рядом с ним встал Эме. Друг жениха. Будущий наследник государства. Будущий герой революции.

Тогда ещё никто не знал, чем всё закончится.

Потом заиграла музыка.

Все обернулись.

Старший Адан вёл дочь к алтарю. Прямая спина. Высоко поднятая голова. Так ведут не дочь. Так ведут дипломатический договор. Адора выглядела прекрасно. Настолько прекрасно, что мне хотелось уйти. Белое платье. Тонкая вуаль. Жемчуг в волосах. Всё было именно таким, каким должно быть на свадьбе девушки её положения.

Кроме неё самой. Она почти не смотрела вперёд. Сначала я не понял почему. Потом заметил. Адора искала кого-то среди гостей. Ряд за рядом. Лицо за лицом. Будто надеялась увидеть человека, которого здесь быть не могло.

Эме заметил это первым. Я увидел, как его взгляд скользнул по залу. Потом остановился на сестре. На мгновение он нахмурился. Слишком хорошо понял.

Креон тоже заметил. Я видел это по тому, как изменилось его лицо. Совсем немного. На секунду. Потом он снова стал спокойным.

Только старший Адан ничего не замечал. Или делал вид, что не замечает. Он смотрел исключительно вперёд. На алтарь. На гостей. На будущее своей семьи. На всё, кроме собственной дочери.

Адора продолжала искать. Пока наконец не остановилась. Её взгляд замер где-то над головами гостей. Там, где никого не было.

Я невольно сделал шаг вперёд. И только потом понял.

Она смотрела туда, где должен был стоять я. Среди приглашённых. Среди друзей семьи. Среди людей, которым позволено любить её открыто.

Меня там не оказалось.

На её лице появилось выражение, которое я помню до сих пор. Очень короткое. Почти незаметное. Разочарование. После этого она больше не искала. Оставшийся путь до алтаря прошла, глядя только перед собой.

Когда настало время клятв, голос у неё не дрожал. Адора вообще редко позволяла себе слабость на людях. Она произнесла все слова правильно. Ни разу не сбилась. Ни разу не остановилась. А потом посмотрела на Креона.

И заплакала. Тихо. Беззвучно. Слёзы просто покатились по щекам.

Гости заулыбались. Кто-то даже растроганно вздохнул.

Старший Адан выглядел довольным. Наверное, решил, что дочь плачет от счастья. Что ещё могла чувствовать молодая женщина, став женой будущего правителя?

Только Креон ничего не сказал.

Он смотрел на неё так, будто понимал. Возможно, понимал лучше всех присутствующих.

Когда пришло время поцелуя, Адора сама подалась вперёд. Поцеловала его первой. И от этого почему-то стало ещё больнее.

Креон осторожно коснулся её щеки. Словно извинялся.

Рядом с ним Эме выглядел потерянным. Он перевёл взгляд на сестру. Потом на подружку невесты. Та ответила ему таким же растерянным взглядом. Будто оба одновременно поняли какую-то страшную вещь, но не могли произнести её вслух.

Музыка заиграла громче. Гости захлопали. Старший Адан улыбался. Креон держал Адору за руку.

А я стоял у выхода вместе с остальной охраной и впервые в жизни по-настоящему ненавидел себя за то, что пришёл.

После церемонии Адора всё-таки нашла меня. На несколько секунд. Среди охраны. Среди слуг. Среди людей, которых никто не запоминает. Она ничего не сказала.

Только посмотрела. А потом ушла вместе с мужем.

И до сих пор, когда я вспоминаю этот день, меня терзают те же чувства.

Дым распространялся по душной комнате. Стало легче. На несколько минут. Или секунд. Я уже плохо понимал время.

Я лёг рядом с Адорой. Осторожно приподнял её руку. Поднёс к губам. Кожа была холодной. Я всё равно поцеловал её пальцы. Потом отвернулся.

Мне казалось, если смотреть на неё слишком долго, я начну забывать, какой она была живой.

А если не смотреть — предам.

Глаза закрылись сами.

Передо мной прошла череда знакомых образов. Адора у окна. Адора в саду. Адора, отнимающая у Креона бокал. Адора, смотрящая на меня так, будто уже знает, чем всё закончится.

Я видел её лицо. Слышал её голос.

И вдруг среди этих воспоминаний появилось что-то чужое.

Краем глаза я заметил её.

Нет. Не Адору.

Женщину в белом.

Она стояла в полумраке комнаты.

Неподвижная. Тонкая.

Светлая настолько, что казалась не живой. Будто вырезана из утреннего тумана.

Я не сразу испугался.

Сначала мне показалось, что я уже видел её. Не своими глазами. Чужими. Она была до боли знакома Адоре. И совершенно незнакома мне.

Женщина молчала.

Не приближалась. Просто смотрела. Будто ждала, когда я сам пойму, кто она такая.

Я хотел спросить, что ей нужно. Но голос не вышел.

Тогда она перевела взгляд на Адору. И в этом взгляде не было ни жалости, ни ужаса. Только попытка разглядеть. Убедиться. фСловно она пришла не за мной. Словно она пришла за тем, что я пытался удержать.

Я сильнее сжал руку Адоры.

— Нет, — сказал я.

И только после этого понял, что произнёс вслух.

Женщина в белом снова посмотрела на меня. Мне показалось, она улыбается. Не зло. Почти печально. Как улыбаются тем, кто ещё не понял, что уже проиграл.

Остаться

Дом располагался на третьем этаже старого кирпичного здания. Адоре нравились большие окна. Каждое утро она открывала их настежь и несколько минут просто стояла возле подоконника. Город жил своей жизнью. Внизу открывались кофейни. Хозяева выставляли на улицу небольшие столики. По мостовой грохотали колёса экипажей. Спешили куда-то мужчины в строгих костюмах. Смеялись женщины в широкополых шляпах. Бегали дети.

Жизнь текла удивительно спокойно. Никто не говорил о революции. Никто не спорил о границах. Никто не произносил фамилии Аданов. По вечерам загорались газовые фонари. Из открытых окон ресторанов доносилась музыка. По набережной гуляли влюблённые пары.

И всякий раз Адора ловила себя на одной и той же мысли. Этот город ничего о ней не знает. Она здесь просто женщина. Такая же горожанка.

Иногда ей казалось, что именно ради такой жизни люди и должны бороться. Не ради побед. Не ради власти. Не ради истории. Ради возможности однажды утром открыть окно и услышать, как внизу кто-то покупает свежий хлеб.

В тот день они с Креоном разбирали оставшиеся вещи. Большинство коробок уже были пусты. На дне одной из них Адора неожиданно обнаружила маленького тряпичного зайца. Она удивлённо замерла. Игрушка была совсем старой. Одна пуговица давно оторвалась. Ткань выцвела. Ухо держалось на нескольких нитках.

— Я думал, ты потеряла его много лет назад, — сказал Креон.

Адора осторожно провела пальцем по потрёпанной ткани. И вдруг вспомнила. Летний день. Адоре лет пять или шесть. Она прячется под столом в садовой беседке и отказывается выходить, потому что уверена: если её не найдут, то сегодня ей не придётся учить этикет. Мариенна сидит рядом прямо на земле и совершенно не собирается искать дочь. Вместо этого она сама залезает под стол и шёпотом говорит:

— Здесь живёт очень опасный зверь.

— Какой?

— Маленький, упрямый и постоянно спорит со взрослыми.

Адора от схема согнулась и ударилась головой о ножку стола. Смех резко сменился на громкий плач. Мама поднимает её на руки. Целует в лоб.

Тогда она была просто ребёнком. Любимой дочерью. Не частью брачного договора. Не наследницей фамилии. Не фигурой на политической доске. Просто маленькой девочкой, которая ещё верит, что её любят. Она с удивлением обнаружила, что улыбается.

— О чём задумалась? — спросил Креон.

— Вспомнила маму.

Он ничего не ответил. Только сел рядом. Как всегда. Без лишних слов.

Некоторое время они продолжали раскладывать вещи. Адора смотрела в окно. На людей. На город. На бесконечное движение жизни. И вдруг поймала себя на странной мысли. Она почти видела своё будущее. Не то будущее, которое когда-то обещали ей родители. И не то, которое строили революционеры.

Совсем другое. Обыкновенное. Она просыпается утром. Спускается за свежим хлебом. Возвращается домой. Читает книги возле окна. Спорит с Креоном из-за каких-нибудь пустяков. Гуляет с ним по набережной. Встречает знакомых. Покупает цветы. Вечером они пьют чай и обсуждают глупости. День заканчивается. Начинается следующий. И ничего страшного не происходит. Мир не рушится. Дни просто идут своим чередом. Когда-то такая жизнь показалась бы ей невыносимо скучной. Теперь она казалась почти прекрасной.

— Креон.

— Да?

— Ты не думал остаться здесь?

Он отложил книгу.

— Остаться?

— Да.

— В эмиграции?

— Да.

Он некоторое время смотрел на неё.

Потом спокойно ответил:

— Только если ты нуждаешься в моём присутствии.

Адора долго не отвечала.

Она смотрела на старый деревянный пол, будто ответ был написан где-то между потёртых досок.

— Здесь очень спокойно, — сказала она наконец.

Креон улыбнулся.

— Да.

— Я почти забыла, что города могут жить вот так.

Он перевёл взгляд к окну.

Внизу кто-то смеялся.

У дверей булочной уже выстроилась небольшая очередь.

— Можно привыкнуть, — тихо сказал он.

— Боюсь.

— К чему?

— Что привыкну.

Она подняла на него глаза.

— А потом всё снова закончится.

Креон молчал.

— Если всё закончится, — сказал он наконец, — значит, до этого оно всё-таки было.

Она улыбнулась.

Совсем немного.

— Иногда мне кажется, что ты говоришь слишком разумные вещи.

— Это профессиональная привычка.

— Какая?

— Не мешать людям надеяться.

Она тихо усмехнулась.

Почему-то от этих слов стало одновременно тепло и больно. Она снова представила маленькую квартиру. Запах утреннего кофе. Книжные магазины. Осенние прогулки. Случайные разговоры за ужином. Годы. Много лет. Спокойных лет.

Ей вдруг захотелось сказать: «Да. Останься». Но слова так и не сорвались с губ. Потому что где-то глубоко внутри она уже знала то, чего не знал Креон. Она слишком устала для будущего. Даже такого прекрасного.

А я в тот момент понял кое-что другое. В этих планах вообще не было меня. Спокойная жизнь, идущая своим чередом, ассоциировалась у Адоры не со мной. В этих планах она видела только Креона. Да и в тот момент они вдвоём не замечали меня. Даже со стороны казалось, что в мире есть только они одни. Я с ней никогда такого не чувствовал. И тогда, я, окутанный облаком табачного дыма, был лишний в их мире.

Я не ревновал. Будь на месте Креона кто-то другой, меня бы обязательно поглотила ревность. Но сейчас не мог ревновать. Потому что видел слишком много. Видел, как Креон смотрит на неё. Видел, как она смотрит на него. Между ними не было той любви, которая заставляет людей терять рассудок. Не было желания. Не было одержимости. Не было ничего из того,

что когда-то погубило нас. Только доверие. Только уважение. Только удивительное спокойствие двух людей, которые давно простили друг другу всё, что можно было простить. Наверное, именно поэтому мне стало не по себе.

Потому что я вдруг понял: если бы Адора захотела жить, она выбрала бы такую жизнь. Не со мной. С ним.

Креон поднялся первым.

— Если станет слишком тяжело, позови меня.

— Хорошо.

Он ласково коснулся её плеча. Она с той же лёгкой нежностью накрыла его руку своей.

Он вышел. Адора даже не обернулась ему вслед. Будто была уверена, что он всё равно вернётся.

И именно это ударило меня сильнее всего. Мне захотелось уйти вслед за ним.

Я вдруг понял, что она никогда не боялась его потерять. Потому что рядом с ним можно было не бояться. В её будущем не было места тревоге. Не было места войне.

Не было места мне.

Я проводил его взглядом. Тогда я ещё не знал, что вижу их вместе в последний раз.

Мы долго молчали. За окном постепенно темнело. Зажигались фонари. Адора сидела возле окна и наблюдала за прохожими.

— Ты счастлив, Корбет?

— Не знаю.

— Никогда не думал?

— Нет.

— Почему?

— Обычно думаешь о том, чего не хватает.

Она посмотрела на меня.

— А тебе чего не хватает?

Я хотел ответить сразу. Но понял, что не могу. Потому что впервые за долгое время не знал.

— Сейчас?

— Вообще.

Я усмехнулся.

— Странный вопрос.

— Почему?

— Потому что я никогда об этом не думал.

Она задумчиво кивнула.

— А зря.

— Возможно.

Несколько секунд прошло в тишине.

— Так что?

— Не знаю.

— Не знаешь?

— Наверное, нет.

— Почему?

Я посмотрел на неё.

— Потому что счастливые люди обычно не спрашивают себя об этом.

— А несчастливые спрашивают?

— Иногда.

— Иногда?

— Когда им нечем заняться в своём несчастье.

Она тихо рассмеялась.Но почти сразу снова стала серьёзной.

— Когда я была маленькой, мне казалось, что счастье — это что-то большое.

— Например?

— Найти своё место в мире. Изменить историю. Сделать что-то важное.

— И?

— Кажется, я ошибалась.

Я посмотрел в окно. Внизу пожилой мужчина покупал цветы. Молодая женщина держала его под руку. Они о чём-то спорили. И оба улыбались.

— А теперь?

Адора долго молчала.

— Теперь мне кажется, что счастье выглядит вот так.

Она кивнула в сторону улицы.

— Видишь женщину возле цветочной лавки?

— Вижу.

— Она сейчас выбирает между белыми и жёлтыми цветами.

— И?

— Представляешь, какая роскошь.

— Цветы?

— Нет.

Она долго смотрела вниз.

— Возможность думать только о цветах. Знаешь, о чём я думала последние дни?

— О чём?

— Что хочу купить занавески.

Я растерянно посмотрел на неё.

— Занавески?

— Старые слишком пропускают солнце.

Она улыбнулась.

— Представляешь? Я столько лет думала о революции. О переворотах. О власти. О смерти. А теперь выбираю между льняными и хлопковыми занавесками.

Она тихо рассмеялась.

— Кажется, это и называется жить.

Потом немного помолчала.

— И ещё...

— Что?

— Я хочу купить цветы.

— Для кого?

Она удивлённо посмотрела на меня.

— Для себя. Поставить на кухне.

Будто это был самый естественный ответ на свете. Для кухни. Не для праздника. Не для свидания. Не в честь победы. Просто чтобы они стояли на стол е. И почему-то именно тогда мне стало по-настоящему страшно.

Потому что человек начинает мечтать о таких мелочах только тогда, когда наконец поверил, что у него впереди будет обычная жизнь.

А я почему-то уже чувствовал, что этой жизни ей не дадут.

Отголосок

Женщина в белом. Вита Аваро. Даже меня её смутный силуэт вгоняет в тревогу. Каково было Адоре, если эта женщина постоянно находилась подле неё? Впервые я встаю между ними. Зачем пришла Вита? Забрать Адору?

Забрать у меня Адору. Она никогда не давала Адоре покоя. И теперь не даёт его нам.

Её первое появление было пугающим. Это произошло, когда Адора пропала. Избегала всех. Стала замкнутой и отстраненной. Она осталась наедине со своей тревогой и тогда столкнулась с ней.

Марселин умела убеждать. Внушила Адоре мысль, что только она в силах осуществить спланированое оппозицией. А Адоре только это услышать и надо было. И сама она хотела этого, только не знала, что ей делать. А матери моей такие непонятные и нужны. Уверить, что она-то их понимает. Приведёт к тем, кто поймёт.

Ещё Марселин хорошо убеждала скучающих. Таких в нашем обществе праздной жизни много. Завлекла красивой историей всех аристократов без ярой правой позиции в общество против их же самих. Для них это ощущалось как очередное праздное убийство времени. Бал-маскарад.

Мать моя мастерица к отчужденным душам ключи искать. Использовала бедную девочку в своих целей. А та даже жизни не видела. Прожила всю взаперти. А только выбралась, тут же растерялась.

Скоро я с ней попрощаюсь. Подлое сознание вновь достаёт из глубин памяти её образы. Они предстают передо мной. Я вновь говорю ей те же слова. Я помню каждое слово, что сказал ей. Помню каждый её ответ.

Помню, как впервые, смотря в её глаза, почувствовал, как дрожь проходит внутри моего тела. Снаружи я спокоен. Вижу, как она улыбается мне. Иглы пронзают меня изнутри. Это чувство ласково называют бабочками. Бабочки жестоко рассекают лёгкие хрупкими крыльями. Что чувствовала она, когда смотрела в мои глаза?

Я посмотрел на неё. Сейчас она вызывает во мне в точности то же чувство, что возникало, когда я смотрел в её глаза в пустой комнате. Сейчас мы одни. Только Вита устремила на меня свои глаза в пелене. Она есть только пока я добровольно искажаю реальность. В отличие от Адоры у меня есть воля в общении в Витой.

Вита стояла неподвижно. Белое пятно у стены. Нечёткое. Словно зрение отказывалось собирать её в человека.

Я долго смотрел на неё. Хотел убедиться, что она существует только потому, что я позволяю ей существовать. Стоит отвернуться — исчезнет. Стоит закрыть глаза — растворится в темноте, из которой пришла.

Я закрыл глаза.

Когда открыл, она всё ещё была там.

— Уходи, — сказал я.

Голос прозвучал тихо. Почти равнодушно.

Вита не шелохнулась.

— Она устала от тебя, — продолжил я. — При жизни устала. После смерти тоже должна устать.

Она смотрела не на меня.

На Адору.

Это злило сильнее, чем если бы она смеялась.

— Не смотри на неё.

Вита медленно повернула голову.

Лица почти не было. Только бледность. Только тёмные провалы глаз. Но я всё равно почувствовал взгляд. Чужой. Старый. Терпеливый.

— Ты говоришь так, будто она твоя.

Я усмехнулся.

Наверное.

— А ты говоришь так, будто она твоя.

— Нет.

— Тогда зачем пришла?

Вита молчала.

Я поднялся на локте. Пол был холодный. От холода ломило плечо. Адора лежала рядом, неподвижная, как всегда. Слишком красивая для правды.

— Зачем ты пришла? — повторил я. — Забрать её? Вернуть себе? Снова сделать из неё оболочку?

Вита чуть склонила голову.

— Ты сам сделал из неё оболочку.

Я резко сел.

— Не произноси этого.

— Чего?

— Её.

Вита посмотрела на Адору. Потом снова на меня.

— Ты боишься не меня.

— Я тебя не боюсь.

— Тогда почему не можешь оставить её одну?

Я хотел ответить сразу.

Не смог.

В комнате стало тесно. Стены будто приблизились. Потолок давил серым небом без звёзд.

— Она не одна.

— Нет, — сказала Вита. — Не одна. Она с твоими руками. С твоими цветами. С твоими волосами в её кулоне. С твоим дыханием рядом с её лицом. С твоей волей над тем, что от неё осталось.

Я медленно выдохнул.

— Ты ничего не знаешь о нас.

— Я знаю достаточно.

— Ты знала её?

— Лучше, чем хотела бы.

— Ложь.

— Возможно.

Она сказала это спокойно. Слишком спокойно. Мне захотелось ударить её. Но нельзя ударить то, что стоит на границе света и безумия.

— Ты мучила её.

— Да.

Ответ прозвучал так просто, что я не сразу понял.

— Что?

— Да, — повторила Вита. — Мучила.

Я замолчал.

Впервые она не спорила. Не уходила. Не пряталась за мёртвым молчанием. И от этого стало хуже.

— Тогда ты признаёшь.

— Признаю.

— Ты довела её до смерти.

— Нет.

— Нет?

— Ты хочешь, чтобы виноватой была я. Так проще. Чужая мёртвая женщина. Чужой голос в её голове. Чужая память. Очень удобно. Можно положить всю боль в один гроб и закрыть крышку.

Я поднялся на ноги.

— Замолчи.

— Но она была жива до меня, Корбет. И страдала до меня. И молчала до меня. И её учили исчезать задолго до того, как она услышала моё имя.

Я подошёл ближе.

Вита не отступила.

— Ты пришла оправдываться?

— Нет.

— Тогда зачем?

Она впервые посмотрела прямо на меня.

— Увидеть, что ты с ней сделал.

Мне стало холодно.

— Я сохранил её.

— Нет.

— Сохранил.

— Ты сохранил лицо.

— Это больше, чем сделали остальные.

— Остальные хотя бы не называли это любовью.

Я схватил воздух пальцами, будто мог сжать её горло. Пальцы сомкнулись на пустоте.

Вита не улыбнулась.

— Вот так.

Я опустил руку.

— Что?

— Вот так вы все и начинаете. Сначала хотите удержать. Потом — защитить. Потом — спасти. Потом — наказать тех, кто не дал спасти. А потом стоите над мёртвой женщиной и уверяете себя, что всё это было ради неё.

Я посмотрел на Адору. На выбившуюся прядь у виска. Она всегда не давала мне трогать её волосы слишком долго. Морщилась. Отстранялась. Иногда смеялась. Иногда просила оставить её в покое. Сейчас не просила.

Я сел рядом и аккуратно убрал прядь ей за ухо.

— Она больше не страдает.

— Ты в этом уверен?

Рука застыла.

— Что ты сказала?

Вита молчала.

Я медленно повернулся.

— Ты знаешь, где она?

— Нет.

— Лжёшь.

— Я не знаю, где Адора.

— Но ты пришла оттуда.

— Нет.

— Откуда же?

Вита посмотрела в сторону окна. За стеклом не было ничего, кроме темноты и отражения комнаты.

— Я не уходила.

Эти слова прозвучали тихо. Почти без выражения. Но впервые в её голосе было что-то похожее на усталость.

— Что значит — не уходила?

— То и значит.

— Ты мертва.

— Да.

— Тогда ты должна быть там.

— Где?

Я не ответил.

Вита усмехнулась. Не зло. Горько.

— Живые всегда уверены, что у мёртвых есть место. Комната. Дверь. Свет. Суд. Любимый человек у порога. Очень удобно думать, что смерть устроена лучше жизни.

Я смотрел на неё.

— Анж.

Её лицо изменилось. Едва заметно. Но изменилось. Я понял, что попал.

— Ты должна быть с ним.

Вита молчала.

— Если бы ты ушла, ты встретила бы его. Разве нет?

— Не произноси его имя.

Теперь я улыбнулся. Впервые.

— Вот оно.

Она смотрела на меня уже иначе. Не как на безумца. Как на человека, который взял в руки нож и ещё не понял, что держит его остриём к себе.

— Ты сама не можешь уйти, — сказал я. — Поэтому держишься за Адору. За её тело. За её память. За всё, что ещё может дать тебе форму.

— Осторожнее, Корбет.

— Почему?

— Потому что ты начинаешь говорить как человек, которому понравилось объяснять чужую боль.

Я не услышал. Или не захотел.

— Ты застряла здесь.

— Нет.

— Застряла.

— Ты ничего не знаешь.

— Но могу узнать.

Она долго смотрела на меня.

Потом тихо спросила:

— Что ты собираешься делать?

Я снова посмотрел на Адору. Её лицо было спокойно. Так спокойно, что в нём хотелось искать согласие.

— Освободить тебя.

Вита не сразу ответила.

Сначала в комнате стало совсем тихо. Даже деревья за окном перестали стучать ветвями по стеклу.

— От чего?

— От этого мира.

— Ты даже себя от него освободить не можешь.

— Я не о себе.

— Конечно. Ты никогда не о себе. Только о мёртвых женщинах, которым почему-то всё время нужна твоя помощь.

Я сжал зубы.

— Ты встретишься с Анжем.

Вита будто перестала дышать. Хотя ей и нечем было.

— Там, куда ты должна была уйти, он ждёт тебя.

— Ты не знаешь.

— Зато знаю, что здесь ты не должна быть.

Она посмотрела на Адору.

— И кто решил?

— Я.

Слово сорвалось слишком быстро. Слишком честно. Я сам услышал это. Вита тоже.

— Вот теперь, — сказала она, — ты наконец заговорил своим голосом.

Я отвернулся.

— Я помогу тебе.

— Нет.

— Помогу.

— Ты хочешь не помочь мне. Ты хочешь убрать свидетеля.

— Свидетеля чего?

— Того, что она не вернётся.

Я резко повернулся.

— Она вернётся.

— Нет.

— Вернётся.

— Нет, Корбет.

Её голос стал почти мягким. И от этого захотелось кричать.

— Адора не вернётся. Ни через молитву. Ни через кровь. Ни через моё исчезновение. Ни через твою любовь, какой бы красивой ты её ни называл.

Я поднял руку. Не помню зачем. Может быть, хотел заставить её замолчать. Может быть, хотел проверить, пройдет ли ладонь сквозь её лицо. Может быть, хотел убедиться, что она всё ещё здесь.

Вита не шелохнулась.

— Уходи, — сказал я.

— Не могу.

— Тогда я найду способ.

— Найдёшь.

— И ты обретёшь покой.

Она посмотрела на меня долго. Очень долго.

Потом сказала:

— Покой, который дают насильно, обычно называется смертью.

— Ты уже мертва.

— Значит, ты придумаешь для меня что-нибудь хуже.

Я хотел возразить. Не нашёл слов.

Вита снова стала бледным пятном у стены. Свет проходил сквозь неё, как сквозь старую занавесь.

— Корбет.

Я не ответил.

— Если однажды ты услышишь голоса мёртвых, не спеши думать, что они зовут тебя.

— А что они делают?

— Предупреждают живых.

Я усмехнулся.

— От кого?

Вита посмотрела на Адору. Потом на меня.

— От тех, кто слишком любит.

Её силуэт дрогнул. На миг мне показалось, что она исчезнет. Я почти обрадовался. Но она осталась. Тоньше. Дальше. Тише.

— Ты не заберёшь её, — сказал я.

— Нет.

— И меня не остановишь.

— Нет.

— Тогда зачем ты здесь?

Вита ответила не сразу.

— Чтобы ты однажды понял: между тобой и Адорой давно уже никто не стоит.

Она исчезла. Или мне показалось, что исчезла.

Комната осталась прежней. Пол. Потолок. Запах дыма.

Мёртвая Адора рядом. Я долго смотрел в пустой угол. Потом лёг на пол. Рядом с ней.

Впервые я подумал не о том, как вернуть Адору.

А о том, как изгнать Виту.

Встал из-за стола. Опустился на пол. Лёг рядом. Мелькнула мысль, что Адора любила смотреть в небо. Звезды сияли через вершины деревьев. Тусклый проглядывал через хвою. Я лежал рядом с ней на холодной земле.

Я рядом с ней на холодном полу. Взгляд упирается в грязный потолок. Лес такой просторный. Комната такая тесная. Адора мечтательно разглядывала звёзды. Смотрела на меня. Широко улыбалась. Я невольно улыбался ей в ответ. Моя неумелая улыбка заставляла её смеяться. Адора не смотрит в мою сторону. Я пытаюсь заглянуть в её глаза и улыбнуться. Её это не радует. Сквозь потолок не видно неба.

Я заправил ей за ухо выбившуюся прядь. Я так уже делал. В собственной спальне. После того, как играл в героя. Адора потеряла сознание в вечер помолвки. Её тут же подменили, а я нёс её на руках домой к Марселин. Что чувствовала Аврора, выдавая себя за чужую невесту? Я не знаю. Я в это время чужую невесту похищал.

Я принёс её домой. Положил в свою постель. Сел на пол у её ног. Смотрел на неё беспрерывно. Через время невольно заснул.

Когда она встала, не стала будить меня. Я проснулся сам. Она смотрела на меня. Я растерялся. Она улыбнулась. С её позволения я сел рядом.

— Вы очнулись? — Это был глупый вопрос. Я попытался подобрать слова, которые не будут звучать глупо. Решил объяснить, где мы. — Не пугайтесь, мы в доме Клеменс. — Я посмотрел на неё. Она улыбнулась шире. Я понял, что ничего её не напугало. Она была на удивление спокойна. Чувствовала себя комфортно? — Из окна спальни вашей матери был виден лес. Высокие сосны. Помните? Мы в его глубинке. Он недалеко от Старого Дворца. Мы оттуда пришли. Сейчас в этом доме живёт Марселин, живёт Эеридис. Я здесь живу. Мы сейчас в моей спальне. Ещё здесь жили родители Эеридис, но... — Я отвлекся. Заменил, что она смотрит в мои глаза. Не оглядывает комнату. Не рассматривает лес в окне. Завороженно смотрит в мои глаза. — Вы так внимательно слушаете, Адора.

От этого замечания улыбка пропала с её лица. Она растерялась. Меня это позабавило.

— Как мило вы теряетесь от безобидных замечаний.

Ещё мгновение она молчала. Затем звонкий смех прервал тишину. Адора опрокинулась на подушки. Обхватила мое запястье. Резко потянула меня. Я упал рядом. Смутился. Она продолжала смеяться.

— Понял.

— Что поняли?

— Понял вас. - Я усмехнулся, когда заметил её недоумение. Эта манера досталась мне от матери. Иногда мне кажется это неуместным. Правда, Адоре эта привычка нравилась.

— Думаете это возможно? - Она усмехнулась в ответ. Не знаю, было это сделано специально или случайно. За Адорой я привычки усмехаться не замечал.

— Возможно что?

— Вот так за несколько минут понять незнакомого человека.

— Мы с вами знакомы, Адора.

— Вы совсем меня не знаете.

— Вы так судите, только потому что мы мало общались?

— Разве этого недостаточно?

— Я с вами не согласен. Мне будто бы и не надо общаться с вами. Я просто понимаю вас. Без всякого основания. Просто вы знакомы мне заранее, Адора.

Она посмотрела на меня в недоумении. Я рассмеялся.

— Не воспринимайте мои слова всерьёз. Ни в коем случае. Я просто чувствую, что вы очень уж близка мне, Адора.

Я до сих пор чувствую, как она близка мне. Уже стемнело. Тогда я также случайно отвёл глаза от Адоры и увидел чёрное небо в сыпи из едва мерцающих звезд.

— Уже совсем темно?

— Переживаете о том, что вас потеряют дома? Не стоит. Ваш отец совсем скоро придёт за всеми нами.

В ответ промолчали.

— Завтра вновь соберётся культ Разгневанной Матери. Эери достаточно повзрослела. До этого он собирался только при её отце. Тогда она была совсем маленькая. Теперь венчают её. Вас же отец — ярый противник инакомыслия. Всех считает своими личными врагами. Он убил родителей Эеридис. Теперь не побрезгует ни ей, ни даже вами, Адора.

— В таком случае, я буду рада остаться с вами.

— Остаться с нами?

— Остаться с тобой, Корбет.

Она приподнялась. Её лицо оказалось над моим. Она смотрела на меня сверху вниз. Сверху вниз, но так нежно. Её волосы, ниспадая, щекотали мою кожу. Я старался убрать их за ее уши. А они предательски ловко выбрались. И вновь щекотали моё лицо.

— Давайте я помогу вам собрать волосы? Представьте, ваш отец придёт сюда. Увидит, что вы ходите без причёски. - я усмехался собственным словам. Она собрала волосы руками и принялась сама убирать их в причёску. Я внимательно наблюдал за ней. Вышло небрежно. Но она справилась.

Я приподнял её тело. Не отдавая себе отчёта, я умудрился посадить её перед собой. Начал аккуратно заплетать её волосы.

Что со мной? Конечно, она до сих пор волнует меня так, как раньше. Но почему я начинаю делать с ней то, что не сумел позволить себе сделать с живой?

Не знаю. Но мне нравится. Я восполняю то, чего мне так не хватало. Не хватало этих простых действий. Не хватало её близости. Я все время боялся перейти грань. Она сама позволяла мне. Но некое предубеждение всегда пыталось остановить меня. И не всегда это получалось. Иногда я делал то, что не должен был.

Тень

Адора жила в обычной для своего положения семье.

Свою мать она не знала. Та исчезла ещё в её детстве. Для большинства людей — сбежала и пропала без вести. На самом деле судьба её сложилась иначе, но знают об этом немногие.

С отцом её невозможно было иметь хорошие отношения. Я ни разу не видел, чтобы он называл её по имени. Только «дочь». Иногда — «ты». За всё время нашего знакомства я так и не услышал, чтобы он обратился к ней иначе.

Было время, когда её брат будто очнулся от долгого сна. Начал спорить с отцом. Пытался защищать её. Потом что-то произошло. Не знаю что. После этого я его больше не видел.

Впрочем, в их доме всё было так же, как и во многих других семьях высокого положения. Эти люди никого не считают близкими.

На семейных ужинах брачные договоры обсуждали так же легко и непринуждённо, как поездку на охоту или новый сорт вина.

Когда Адоре было шестнадцать, за одним из таких ужинов обсуждали её будущий брак. Она даже не сидела за столом. Стояла за спиной отца. Словно служанка. Словно вещь.

Один из гостей поинтересовался, умеет ли она играть на фортепиано.

— Разумеется, — ответил отец раньше неё.

Другой спросил о её характере.

— Спокойная и воспитанная девочка.

Адора молчала.

Третий поинтересовался, любит ли она охоту.

Она подняла голову.

— Я...

— Любит, — ответил отец.

Она снова опустила взгляд. Тогда я не придал этому значения. Сейчас думаю об этом слишком часто.

Никто даже не заметил, что за весь вечер она не произнесла ни слова. Будто её присутствие уже являлось достаточным участием в разговоре. А может и присутствие её было излишеством.

Эти мужчины больше уважают человека с запуганной женой и оставленными на нянек детьми, чем мужа, который любит свою семью. Они готовы часами рассуждать о чести, долге и достоинстве. А потом возвращаются домой и разговаривают с собственными дочерьми как с прислугой.

Иногда мне кажется, что мужчины вроде отца Адоры не любят никого. Кроме самих себя.

Они настолько заняты борьбой за собственную значимость, что забывают быть людьми.

Потому дочери и жёны в их мире носят двойные фамилии. Каждый мужчина должен оставить на женщине свой след. Пусть не любовь. Пусть хотя бы имя.

Адорэбелль Канна-Адан.

Даже её имя принадлежало другим людям.

Иногда я думаю, что сама Адора никогда не принадлежала себе.

Время идёт. Привычки не меняются.

До сих пор в местах, где собирается привилегированный сброд, я слышу, как молодые господа отчитывают служанок за то, что те обращаются к своим госпожам по фамилии отцов, а не мужей.

Словно женщины — это имущество, которое просто передают из рук в руки.

Первое время Адора вздрагивала всякий раз, когда я повышал голос. Даже не на неё.

Однажды я слишком резко поставил чашку на стол. Просто поставил чашку. Она вздрогнула так, будто я ударил её. Тогда я решил, что она просто нервничает. Сейчас думаю иначе.

Человек не учится так бояться за один день. Потом она перестала вздрагивать. Я считал это признаком доверия. Теперь понимаю, что просто слишком поздно заметил, насколько сильно она была напугана задолго до нашей встречи.

Долгое время я принимал её молчание за гордость. Потом — за мудрость. Потом — за доверие. Мне всегда было проще придумать красивое объяснение, чем признать очевидное.

Адора молчала потому, что никто никогда её не слушал. Она никогда не перебивала меня. Мне нравилось это. Я считал её внимательной. Теперь понимаю, что она не перебивала вообще никого. Её просто отучили верить, что её слова имеют значение.

Иногда мне кажется, что Адора умерла задолго до того дня.Постепенно. За каждым семейным ужином. После каждого ответа, который произносили за неё. После каждого решения, принятого без неё. После каждого раза, когда её называли дочерью, не называя по имени. И самое страшное — это видели все. Отец. Брат. Муж. Любовник. Мы просто не считали это смертью.

Искушение

Это ли есть любовь? Или это чувство собственничества?

Я не могу позволить этому чувству контролировать мои желания, пока отдаю себе отчёт.

Мне нравится дружить с помутнением рассудка.

Слюна медленно скользнула по сухому горлу. Через ком в горле.

Я ещё не проветривал комнату. Но дым снова растворился в остатках воздуха. Я закашлялся. И вздохнул снова. И снова.

Комом в горле стоит рассудок. Я всё ещё отдаю перед собой отчёт за свои действия.

Мне это мешает.

Ревность и собственничество.

Я никогда не смел посягнуть на то, на что право имеют только мужья.

Не смел, потому что верил в ответственность. Перед кем? Перед обществом?

Глупость.

Мы оба оторваны от мира. Какой ценой.

Могу ли я теперь не отчитываться за свои поступки? Перед кем я понесу ответственность?

Эти вопросы бессмысленны.

Бессмысленны. Лишены смысла.

Как и всё.

Как и то, что мне хочется.

Это мирское. И это чувственное.

Мы вдвоём оторваны от мира. Мы бесчувственны.

Только меня гложет ревность.

Я завистник.

Я действую против чужой воли.

Это не должно быть так. Это вынуждено.

Скоро эйфория пройдёт.

Вернётся смысл.

Здравый смысл. Встанет комом в горле.

Это явно не любовь.

Что есть настоящая любовь?

Любовь невозможна в насилии.

Это насилие.

Это насилие?

Первая любовь всегда несчастна. Я это знаю.

От матери? Наверное.

Я не знал, что судьба окажется так жестока в этом плане.

С каких пор я верю в судьбу?

Её тело такое холодное. Я весь трясусь.

Гроза. Гром сотрясает тишину нашего одиночества.

Серое небо потолка давит.

Как скоро я разлюблю её? Тогда же, когда стану таким же холодным?

Завещаю похоронить себя рядом.

Скоро мы навсегда будем вместе. Скоро?

Пара месяцев или несколько десятков лет — всё одно. Меня всё это время будут ждать на том же месте.

Даже нет смысла приближать эту встречу.

А есть ли вообще смысл распоряжаться собственной смертью?

Бедная Адора. Она всего лишь жертва. Мечтая вырваться из крепкой хватки чужих рук она задушила себя собственными руками.

Куда бежать?

Открыл окно. Воздух. Свежий. Дышать легче. Я снова прокашлялся. Вдохнул полной грудью. Тревога начала проходить. Сознание просветлело. Пришло осознание. Я ужасен.

Язвы

Прошлые страницы как язвы на языке исповедующего. Но я не в праве избавиться от них. Это значило бы отказаться от себя.

Надо рассказать Эме о смерти Адоры.

Он в обиде на нас всех. Не стоит вести себя с ним так, чтобы заставить его обижаться ещё больше. Буду молчать.

Ничего. Ничего значимого.

Адора убила себя сама.

Память о бедной Эери не даёт Эме спать по ночам. После её смерти он медленно сходит с ума. Или всё же остаётся в здравом рассудке? Он стал другим. Стал тем, кого презирал.

Мать и меня переживёт. Поражаюсь. Как ей удаётся?

Эме так и не понял. Такова была судьба Эеридис. Пусть мы это слово не признаем, он его очень любит.

Кто воздаст за саму Месть?

С венчания их пути разошлись. Сколько бы они не хотели быть вместе, разное понимание одной и той же идеи разделяет их навсегда.

Матерь Скорбящая и Матерь Разгневанная. Старая вера и отошедший от неё культ. Сострадание и Месть. Тихий плач и истошный крик. Могут ли сочетаться прощение и месть? Эме считал Эери своею судьбой. Эеридис никогда не верила в судьбу. Эме пытался ограничить Эеридис в участии в наших делах. Эеридис считала это собственным долгом. Эме не хотел признавать, что это было важно для Эеридис.

Никто так не дорожил культом, как Эеридис. Во многом культ был лишь представлением для знати. Его разыгрывали, чтобы донести немного наших идей. Статус этих людей изменился, но привычки остались теми же. Они бы никогда не стали слушать о проблемах напрямую. Тёмный бал сектантов скрывал в себе довольно простую агитацию.

Эеридис знала, что “венчание Мести” и “гнев Матери” — это простенькая сценка. Она дорожила самой идеей. Оккультные мотивы связывали её с отцом. Идея же мести действительно откликалась в душе Эери. Она не могла принять мир, где общество подавляет в человеке "Я", где государство борется с личностью.

Культ являлся для неё смыслом жизни. Однако Эери совсем не верила в судьбу. Разделимы ли понятия смысла жизни и судьбы? Судьба, верить в неё, как бы определяет предназначение. Ради своего предназначения существует человек. Предназначение — смысл существования. Смысл — нечто внешнее, навязанное человеку. Судьба не спрашивает человека, чего хочет.

Таким образом, существует ли смысл жизни без веры в судьбу?

Можно не верить и создать смысл. Тогда ты как бы уговариваешь себя. Или прощаешь миру, что жизнь напрасна?

Адан полюбили преследовать Клеменс из поколения в поколение. Клетес Адан гордится, что получил по наследству череп Аста. Кифа когда-то совершил самосуд над тихим основателем политического кружка. Ему казалось рыцарским поводом принести императору голову на блюде. Амадей мечтал прозвать себя императором. Кем действительно были Амадей? Самодур. Кифа успешно подыгрывал ему. В их борьбе с неким "инакомыслием" больше нелепого актерства, нежели действительного влияния на умы.

На самом ли деле необходимо было казнить тихого кружковца, увенчав его рогами? Некий козёл отпущения?

Куда страшнее для их благополучия оказалось возрождение старой оккультной традиции. Тогда люди действительно поверили, что Матерь ждёт подходящего часа для возмездия. И в

их интересах помочь ей. Начать возмездие. И новые оккультисты начали с Амадея, Кифы и их пресмыкающимися. Злая ирония стала главным символом Разгневанной Матери. Ими венчают Месть. Традиционно на эту роль выбирают Клеменс. Был отец Эеридис. Потом пришло время самой Эери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.